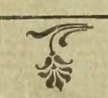
Клубъ Русскихъ Націоналистовъ въ Кіевѣ.

Проф. И. А. Сикорскій.

РУССКІЕ и УКРАИНЦЫ.

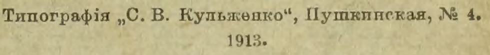
(Глава изъ этнологическаго катехизиса).

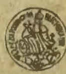
Цѣна 25 коп.

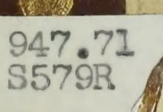

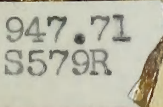
КІЕВЪ.

Типографія „С. В. Кульженко", Пушкинская, № 4.
1913.

Sikorskii, Ivan Alekseevich

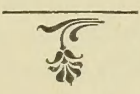
Клубъ Русскихъ Націоналистовъ въ Кіевѣ.

Проф. И. А. Сикорскій.

РУССКІЕ и УКРАИНЦЫ.

(Глава изъ этнологическаго катехизиса).

Докладъ въ Клубѣ Русскихъ Націоналистовъ въ Кіевѣ
7 февраля 1913 года.

КІЕВЪ.
Типографія „С. В. Кульженко", Пушкинская, № 4.
1913.

Русскіе и Украинцы?!

I. Доисторическая давность.

Вопросъ, поставленный въ заголовкѣ, невольно самъ собою сказался, когда намъ пришлось ознакомиться съ нѣкоторыми произведеніями проф. Мих. Грушевскаго, особенно съ его новѣйшей книгой: „Кіевская Русь", Т. I, СПБ. 1911 года. При чтеніи этихъ произведеній въ душѣ возникли не только вопросы, но почуялись сомнѣнія, встрепенулась критическая мысль, сказалась глубокая встревоженная потребность знать: „что есть истина"?

Согласно Вс. Переписи Населенія Росс. Имп. 1897 г., мы привыкли знать, что *русскихъ* въ нашемъ отечествѣ имѣется 84 милліона, затѣмъ уже слѣдуютъ *нерусскія* народности въ общей суммѣ 41 милліонъ. Съ поправками на 1911 годъ (Статистич. Ежегодникъ Россіи), русскихъ приходится 112 милліоновъ, инородцевъ 56 милліоновъ. *Восемьдесятъ четыре милліона русскихъ* въ 1897 г. и 112 милл. въ 1911 году дѣлятся такимъ образомъ, что

	въ 1897 г.	1911 г.
На великороссовъ. .	66 милліон.	74 милліон.
На малороссовъ . .	26 „	37 „

Почтенный проф. Грушевскій предупреждаетъ насъ, что *двадцать шесть* милліоновъ малороссовъ по переписи 1897 или тридцать семь милліоновъ по расчетамъ на 1911 годъ нельзя считать русскими. Эти милліоны должны быть списаны съ общей суммы русскихъ, потому что они—не *Русскіе, а Украинцы.* Подведя итогъ всѣмъ Украинцамъ, почтенный профессоръ исчисляетъ ихъ въ 1906 г. въ суммѣ 31—32 милліоновъ, вводя сюда живущихъ въ Австріи и выселенцевъ въ Америку. Насъ, впрочемъ, интересуютъ не статистическія цифры, а существо дѣла—дѣйствительно ли изъ состава *русскаго* населенія надобно исключить одну треть (численностью въ 27 милліоновъ!) и перечислить эту крупную цифру въ контингентъ другой народности—*украинцевъ.* Это такъ неожиданно, такъ ново, такъ непривычно, что разумъ не хочетъ сдаться въ плѣнъ и домогается доказательствъ. Конечно, предъ доводами науки никто и ни чей умъ не устоитъ! Если существуютъ доводы, и они убѣдительны, мы невольно послѣдуемъ за проф. Грушевскимъ и, при всемъ предварительномъ несогласіи съ нимъ,—чего и не скрываемъ,—пойдемъ въ полонъ, сдавши ему въ качествѣ трофеевъ всю нашу библіотеку.

Профессоръ Грушевскій настолько обставилъ содержаніе своей книги научнымъ инструментаріемъ, что первымъ долгомъ читателя является тщательное *изученіе* предлагаемаго матеріала: съ этого и начнемъ.

Мы встрѣчаемъ въ книгѣ проф. Грушевскаго

и географію, и геологію въ соединеніи съ исчисленіемъ періодовъ или наслоеній *четвертичнаго* вѣка до первыхъ почти проявленій жизни въ третичную эпоху. Далѣе у него прослѣженъ болѣе или менѣе подробно *ледниковый* періодъ въ Европѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя впослѣдствіи стали прародиной нашего отечества. Еще далѣе проф. Грушевскій приводитъ опись орудій, созданныхъ руками первобытнаго человѣка въ палеолитическій и неолитическій періодъ его жизни. Особенно цѣннымъ слѣдуетъ признать то, что проф. Грушевскій придаетъ значеніе антропологическимъ изысканіямъ и дѣлаетъ попытки примѣнять ихъ къ освѣщенію расовыхъ и этническихъ вопросовъ—наряду съ лингвистическими данными. Все это вмѣстѣ взятое создаетъ ту почву, на которой возможно сближеніе разныхъ спеціалистовъ, на общемъ полѣ этнографіи и этнологіи. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что нѣкоторыя части исчисленнаго матеріала носятъ у проф. Грушевскаго характеръ скорѣе научно-изобильнаго, чѣмъ конкретно-дѣлового собранія фактовъ, и самые факты не объединены и не оплодотворены принципами антропологіи и этнографіи. Главныя положенія этихъ новыхъ вспомогательныхъ, для исторіи, дисциплинъ использованы у проф. Грушевскаго далеко не съ тою полнотою, въ какой они заслуживаютъ.

Важнѣйшій вопросъ, съ какимъ въ своей книгѣ выступаетъ проф. Грушевскій,—пытаясь притомъ разрѣшить его радикально,—это вопросъ о происхожденіи Славянъ, Русскихъ и Украинцевъ. Эти три вопроса должны быть признаны основными для всей исторіи Славянства и Россіи, но они оставались до самаго недавняго времени крайне слабо ба-

зированными. Оттого выступленіе проф. Грушевскаго съ рѣшительными взглядами покажется для всякаго по меньшей мѣрѣ научно-внезапнымъ. Если принять во вниманіе, что прежнія научныя данныя о Скиѳахъ и Сарматахъ, какъ предтечахъ Славянства, не только устарѣли, но сдѣлались въ послѣднее время еще болѣе неясными и запутанными, то начало Руси такимъ образомъ погрузилось въ совершенный туманъ. Этотъ туманъ не только не разсѣивается книгою разбираемаго автора, но становится еще болѣе густымъ особенно потому, что къ основному вопросу о существованіи Украинства проф. Грушевскій относится скорѣе какъ къ вопросу доказанному и рѣшенному, а не къ такому, который нуждается въ доказательствахъ для своего разрѣшенія. Въ первой половинѣ своей книги проф. Грушевскій почти не говоритъ объ Украинцахъ, оттого появленіе ихъ во второй половинѣ представляется довольно неожиданнымъ: авторъ недостаточно подготовляетъ читателя къ этой важной этнографической новости.

Въ своей книгѣ проф. Грушевскій останавливается только на весьма немногихъ антропологическихъ фактахъ, именно на долихоцефаліи и брахицефаліи (длинноголовость, короткоголовость), но не упоминаетъ и не оцѣниваетъ значенія многихъ другихъ важныхъ антропологическихъ положеній и признаковъ, напр. *лицевого указателя,* носового, *глазничнаго* и даже *головного* указателя (index coephalicus). Такая скупость явилась роковой и лишила проф. Грушевскаго почти всѣхъ средствъ къ разрѣшенію поднимаемыхъ имъ этническихъ вопросовъ. Удовольствоваться долихоцефаліей и брахицефаліей—это значитъ съузить свои аналитическіе

рессурсы по этнологіи до границъ рѣшенія только одного вопроса, притомъ касающагося событій чрезвычайной давности. За четыре тысячи лѣтъ до нашего времени территорію нынѣшней европейской Россіи населялъ долихоцефалическій человѣкъ. Онъ вымеръ, скелеты его можно находить при рытьѣ каналовъ (Ладожскій кан.), при глубокихъ желѣзнодорожныхъ выемкахъ и при другихъ обнаженіяхъ глубоко лежащихъ напластованій земли. Вотъ и все! Но всѣ получаемыя такимъ путемъ данныя имѣютъ теперь только біо-историческій интересъ, т. е. полезны для біолога, но не для историка. Вѣдь со временъ долихоцефалическаго человѣка поверхность нынѣшней Россіи покрылась наносными наслоеніями, на поверхности которыхъ уже давно живетъ *короткоголовый* и *среднеголовый* человѣкъ (брахицефалъ и мезоцефалъ). Вся антропологія и этнографія поднялась, такимъ образомъ, изъ геологическихъ глубинъ на поверхность, нами обитаемую. Поэтому здѣсь, а не въ глубинахъ земли надобно искать человѣка двухъ-трехъ послѣднихъ тысячелѣтій. Здѣсь находятся слѣды и остатки Скиѳовъ, Сарматовъ и Славянъ. *Здѣсь же слѣдуетъ разыскивать и Украинца, если только онъ существуетъ въ природѣ.*

Новѣйшія обширныя антропологическія данныя какъ разъ освѣщаютъ эти доисторическія событія и способны дать отвѣтъ относительно прародителей современнаго русскаго человѣка. Однако же, этихъ именно данныхъ книга проф. Грушевскаго, къ сожалѣнію, не содержитъ. Но безъ нихъ не можетъ обойтись современная этнографія, уже не довольствующаяся однимъ лингвистическимъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что въ антропологіи она нашла

свою первую по точности основную науку, далеко превосходящую собой науку о языкѣ.

Для рѣшенія проблемъ этнографіи и исторіи народа, при настоящемъ состояніи науки, примѣняются двоякаго рода данныя: изученіе живущаго населенія съ антропологической точки зрѣнія и раскопки старыхъ кладбищъ и мѣстъ погребенія. Объединеніе тѣхъ и другихъ данныхъ устанавливаетъ физическую и историческую связь и преемственность населенія страны и бросаетъ болѣе яркій свѣтъ на прошедшее, чѣмъ лингвистическіе признаки, которые могутъ быть подражательно заимствованы однимъ народомъ у другаго и потому не надежны, какъ критерій для выводовъ о происхожденіи народа и расы.

Обращаясь къ этому новому источнику этнографіи и исторіи, мы сразу находимъ въ немъ фактъ капитальной важности для занимающаго насъ вопроса. Раскопки кладбищъ съ погребеніями разныхъ типовъ показали, что на территоріи Россіи кладбищное населеніе имѣетъ своихъ представителей въ современныхъ живыхъ поколѣніяхъ и что существуетъ непрерывное антропологическое преемство отъ бывшихъ до нынѣ живущихъ народовъ и племенъ. Антропологическія изысканія такого рода за послѣднія сорокъ лѣтъ, особенно со времени перваго посѣщенія Москвы французами и другими европейскими антропологами въ 1879-мъ году, привели къ собранію многоцѣннаго антропологическаго матеріала, накопленнаго и обработаннаго научными силами Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ. Важнѣйшіе выводы изъ крупныхъ богатствъ этой вновь

возникшей отечественной сокровищницы могутъ быть кратко переданы въ слѣдующихъ чертахъ.

Первоначальная аборигенная раса, населявшая Восточную Европу вслѣдъ за вымершими длинноголовыми (долихоцефалами), остается неизвѣстной. Вторымъ (?) по времени поселенцемъ на этой уже значительно поднявшейся тогда надъ уровнемъ моря территоріи были различные народы и племена финскаго корня. Финскіе народы относятся по антропологической классификаціи къ *бѣлой* расѣ и ни въ какомъ случаѣ не должны быть смѣшиваемы (что иногда, однакожъ, дѣлаютъ) съ монгольской или *желтой* расой. Финны, въ отдаленныя времена, пришли на восточную европейскую равнину съ востока и сѣвера Европы и широко размѣстились здѣсь до Балтійскаго моря и на югъ до Кіева и даже южнѣе, насколько то было безопасно отъ бродившихъ на югѣ хищниковъ. Финскія племена осѣли на занятой территоріи прочно, сдѣлавъ ее своей окончательной, постоянной родиной. Около времени начала Христіанской эры и даже до нея съ юга Европы, изъ побережья Средиземнаго моря, со своей вѣроятной *прародины*, по пути чрезъ Карпаты и восточнѣе, на финскую территорію стали надвигаться Славяне. Между встрѣтившимися расами (Славянской и Финской) установилось сразу постепенное *мирное сближеніе, смѣшеніе и объединеніе* (Бестужевъ-Рюминъ), которое и дало въ результатѣ русскую народность, осѣвшую окончательно на этой же съ тѣхъ временъ общей, славяно-финской территоріи (нынѣшней территоріи Россіи). Между Финнами и Славянами, какъ сказано, встрѣча была не враждебная, но мирная, выражавшаяся прежде всего усвоеніемъ славян-

скаго языка и славянскаго психизма. Финны не гибли, но растворялись и таяли въ Славянской расѣ, широко въ то же время ее впитывая. Но, наряду съ этимъ *физико-психическимъ объединенiемъ* Финновъ и Славянъ, другiя смежныя, особенно бродячiя расы юга оставались чуждыми великому таинству нарожденiя новой расы. Это въ особенности относится къ Скифамъ и Сарматамъ, случайнымъ бродячимъ поселенцамъ юга Европы, сталкивавшимся съ нарождавшейся расой только территорiально, т. е. внѣшнимъ образомъ, но не духовно, какъ Финны.

Говоря о прародинѣ Славянства, проф. Грушевскiй помѣщаетъ ее въ рамкѣ такого четвероугольника: съ запада — Висла, съ сѣвера — Балтiйское море, съ юга — верховья Днѣстра и Буга, съ востока — бассейнъ Днѣпра и при этомъ прибавлетъ: „не можемъ обойти молчанiемъ того обстоятельства, что, устанавливая такимъ образомъ Славянскую природу, мы расходимся съ нашей исторической традицiей, представленною авторомъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Здѣсь, конечно, рѣчь идетъ о разсказѣ Лѣтописца, что „по мнозѣхъ же временехъ, сѣли суть Словени по Дунаеви, гдѣ есть Угорская земля и Болгарская“. Это мнѣнiе Лѣтописца проф. Грушевскiй называетъ „неудачной гипотезой Кiевскаго книжника“. Но указанный Несторомъ путь есть, безъ сомнѣнiя, одинъ изъ вѣроятныхъ путей славянскаго передвиженiя на занятую затѣмъ Славянами финскую территорiю. Путь этотъ могъ включать въ себѣ какъ пункты, указываемые лѣтописью Нестора вообще, такъ и мѣста Прикарпатья, которыя указываются Ключевскимъ, Надеждинымъ и Барсовымъ и другими. Все это будетъ

гораздо основательнѣе того утвержденія Украинскаго профессора, по которому путь движенія Славянъ не отдѣляется отъ *пунктовъ остановки и осѣдлости*... Впрочемъ, не будемъ спорить о прародинѣ Славянъ. Безконечно существеннѣе не прародина, не территорія, а природа русскаго народа. Къ ней и возвращаемся.

Антропологическое изслѣдованіе живого контингента современнаго русскаго народа со всѣми поименованными выше указателями (index'ами) открываетъ тотъ важный фактъ, что въ составѣ населенія Россіи входятъ частью индувидуумы чисто финскаго типа, частью чисто славянскаго, частью же смѣшаннаго типа—изъ обоихъ. Здѣсь и все! Татарская и монгольская примѣсь являются въ видѣ ничтожныхъ вкраплинъ по мѣстамъ и по своей, такъ сказать, случайности и незначительности, нисколько не нарушаютъ чистоты и очевидности главнаго основного *финско-славянскаго состава*, а потому такія случайныя ничтожныя примѣси должны быть игнорируемы и не принимаемы во вниманіе.

Финская по натурѣ и крови составная часть русскаго населенія характеризуется короткоголовостью, широкимъ лицемъ, выдающимися скулами, малыми глазами, среднимъ ростомъ, короткими ногами, свѣтлыми волосами, свѣтлыми глазами. Представители же чисто славянской части гораздо менѣе короткоголовы, брюнеты, высокаго роста, съ темными глазами. Живущее и кладбищное населеніе современной Россіи содержитъ финскій и славянскій типъ. Нерѣдко одна и та же семья содержитъ въ себѣ представителей того и другого типа. Но наряду съ такими, совершенно чистыми расовыми

экземплярами, существуетъ и смѣшанный типъ, гдѣ финско-славянскія черты совмѣщены, но уже въ сглаженномъ видѣ, и съ утратой первобытной ясности и чистоты. Представителей такого смѣшаннаго типа въ современномъ населеніи имѣется до 60%, а остальные 40% падаетъ въ общей сложности на чистые расовые экземпляры (т. е. Славянинъ или Финнъ).

Таковъ въ дѣйствительности живущій контингентъ русскаго народа. Отъ Архангельска до Таганрога и отъ Люблинскаго Холма до Саратова и Тамани живетъ одна и та же (въ главныхъ чертахъ) русская народность. Дробленіе на Великоруссовъ, Малороссовъ и Бѣлоруссовъ связано съ несущественными и второстепенными, притомъ скорѣе лингвистическими, чѣмъ антропологическими особенностями, которыя притомъ нерѣдко и отсутствуютъ. Въ Малорусскомъ (по Костомарову—Южнорусскомъ) населеніи—тотъ же племенный составъ, что и въ Великорусскомъ, съ незначительнымъ только перевѣсомъ славянскаго элемента надъ финскимъ. Этимъ антропологически, т. е. по своей породѣ и природѣ исчерпывается *все* русское населеніе европейской Россіи. Украинцевъ здѣсь нѣтъ! Ихъ нѣтъ ни въ живущихъ экземплярахъ, ни въ кладбищномъ населеніи: нѣтъ ни на землѣ, ни подъ землей. Поэтому если за исходное основаніе для сужденій и выводовъ взять физическій составъ населенія, его *породу* и природу, то на Украинѣ нѣтъ такого населенія, которое обладаетъ особой породой: здѣсь то же, что существуетъ и за предѣлами Украины. Отсюда—естественный выводъ, что „Украина" и „Украинцы"—это терминъ скорѣе географическій и политическій, но не

антропологическій или этническій. Повидимому, часть территоріи юго-восточной Европы безъ надлежащихъ основаній отведена пр. Грушевскимъ подъ „Украину“, а ея населеніе зачислено въ „Украинцевъ“, но эти Украинцы ничѣмъ антропологически не отличаются отъ русскаго населенія. Если бы черепъ такого Украинца, взятый съ кладбища въ Россіи или Украинѣ, дали въ руки любому антропологу, онъ бы призналъ черепъ просто за русскій... Исторія повторяется!.. Нѣчто подобное тому, что произошло съ проф. Грушевскимъ, случилось въ наши дни въ другомъ уголкѣ міра и не лишено поучительности. Французскому д-ру Бертолону (Bertholon) въ 1911 году привелось антропологически изслѣдовать кладбищное населеніе бывшаго древняго Карѳагена и смежныхъ мѣстъ и точно также изслѣдовать современныхъ обитателей провинціи Тунисъ. Тщательный антропологическій осмотръ и всякія измѣренія показали, что ископаемое населеніе Карѳагена и нынѣшнее арабское населеніе страны тождественны въ антропологическомъ отношеніи. На продолженіи вѣковъ, не менѣе какъ 2400 лѣтъ, говоритъ Бертолонъ, и несмотря на политическія пертурбаціи, населеніе осталось въ самомъ строгомъ смыслѣ антропологически нетронутымъ: основныя измѣрительныя цифры черепа и скелета остались въ поразительной степени тождественными у живыхъ и умершихъ. Населеніе страны физически осталось тѣмъ, чѣмъ было 2400 лѣтъ назадъ, несмотря на то, что ему послѣдовательно давали наименованіе *Финникійцевъ*, *Римлянъ*, *Арабовъ* и воображали его прибывшимъ изъ другихъ мѣстъ! То же приходится сказать о тѣхъ, кого наименовали новымъ терминомъ Украинцевъ. Имя—

новое, но раса двухтысячелѣтняго возраста, та самая, которая тысячу лѣтъ назадъ назвала себя русской.

Судя по физическимъ признакамъ русское племя еще продолжаетъ этнографически формироваться: въ наше время оно содержитъ почти повсюду на своей обширной территоріи до 40% своего состава въ видѣ антропологически чистыхъ экземпляровъ первобытныхъ составныхъ расъ (финновъ-славянъ) и около 60% уже слившагося, смѣшаннаго (метизированнаго) контингента. Это относится въ равной степени къ Русскимъ и къ тѣмъ, кого проф. Грушевскій называетъ „Украинцами“.

Признавая существованіе Украинцевъ, проф. Грушевскій не даетъ, однакоже, никакихъ антропологическихъ признаковъ этого народа, —и въ этомъ содержится лучшее доказательство искусственности понятія и термина. Какъ показываетъ приведенный нами антропологическій составъ русскаго населенія, въ дѣйствительности, — въ природѣ есть только финны, есть славяне, и есть смѣшанный изъ тѣхъ и другихъ метизированный контингентъ. Это и есть *русское племя, русская раса*, русскій народъ, захваченные современнымъ историческимъ моментомъ въ самую пору своего, далеко подвинувшагося, но еще не вполнѣ законченнаго расоваго и этническаго созданія. Духовный процессъ почти закончен, а физическій—скелетный и вообще тѣлесный еще продолжается. Главное совершилось! Великая цѣль созданія новаго народа осуществлена въ срокъ около двухъ тысячелѣтій — періодъ для дѣлъ природы не большой, принимая во вниманіе безграничную сложность біо-историческаго процесса!

Мы не станемъ спорить съ почтеннымъ проф. Грушевскимъ по поводу его „Украинцевъ". Съ нимъ поспоритъ и противъ него запротестуетъ вся новая наука и вся историческая тысячелѣтняя Русь, включая сюда и тѣхъ, кого онъ называетъ „Украинцами", а всѣ спеціалисты: историки, археологи, этнологи, антропологи и психологи — всѣ не обинуясь назовутъ его Украинцевъ — *genus et species nova atque imaginaria*. Съ своей стороны мы только предложимъ проф. Грушевскому небольшой вопросъ, на который ему, какъ историку, отвѣчать легко. Въ своей книгѣ онъ не умолчалъ о финнахъ, онъ много разъ заставилъ ихъ со всѣхъ пунктовъ территоріи нынѣшней Россіи показаться на сценѣ и откланяться читателю (см. „Кіевская Русь" стр. 60, 61, 71, 73, 74, 75, 76, 220, 222, 224). Куда же дѣвался этотъ народъ во второй половинѣ той же книги?—Вымеръ, выродился?—Покоренъ, истребленъ?..—Оттѣсненъ въ тундры, за моря, за океанъ, въ азіатскія пустыни?.. Въ книгѣ почтеннаго историка финны исчезаютъ незамѣтно и почти безъ слѣда. Столь же незамѣтно, но довольно неожиданно и безъ поводовъ являются Украинцы. Въ чемъ причина этихъ загадочныхъ историческихъ секретовъ?..

II. Протекшія историческія времена.

Отдавшись идеѣ *этнической* дифференціаціи и слѣдя за исторіей образованія Украинцевъ, проф. Грушевскій не удѣляетъ вниманія другой сторонѣ процесса—*этнической интеграціи*. Впрочемъ, этотъ упрекъ можно сдѣлать не одному Грушевскому, но и другимъ.

Въ дѣлѣ этнической интеграціи, въ вопросахъ созданія новаго народа изъ частей или изъ другихъ народовъ, выступаютъ на сцену антропологическіе и психологическіе процессы величайшаго жизненнаго интереса. Здѣсь совершается *творческое таинство природы* въ истинномъ смыслѣ слова! Оно представляетъ высшую поучительность тамъ, гдѣ не было никакого насилія, принужденія, покоренія, завоеванія, гдѣ процессъ произошелъ свободно, по естественному душевному движенію, инстинкту и потребности, какъ происходитъ, напр., въ послѣдніе сто лѣтъ объединеніе бурятскаго народа съ русскимъ. Возникающее отъ этого естественнаго союза здоровое энергическое, одаренное населеніе, отличающееся красотою женщинъ, показываетъ, что природа не ошиблась въ своемъ естественномъ подборѣ и взяла вѣрную ноту жизни. Еще болѣе ясный и совершившійся съ выдающейся отчетливостью и въ широкомъ масштабѣ примѣръ представляетъ собою фактъ образованія Болгарскаго народа. Въ антропологическомъ отношеніи Болгары принадлежатъ по своимъ исходнымъ этническимъ прецедентамъ къ монгольскому или желтому корню человѣческаго рода. Прибывъ въ началѣ христіанской эры изъ сѣверо-востока Азіи на Волгу и проживъ здѣсь нѣкоторое время, Болгары перекочевали на Дунай, и здѣсь началось необыкновенно живое физическое и духовное объединеніе ихъ со Славянами (вѣроятно—Сербами). Болгаре усвоили себѣ славянскую рѣчь съ такою полнотою и такимъ совершенствомъ, что безусловно оставили и забыли свой первоначальный языкъ, и это произошло со всѣмъ народомъ въ теченіе не болѣе трехъ столѣтій. Очевидно, что славянская рѣчь явилась для нихъ на-

чаломъ прогрессивнымъ, облегчившимъ ходъ духовнаго развитія и самый процессъ мысли, подобно тому, какъ ходьба является для дитяти прогрессивнымъ событіемъ и, разъ ставши на ноги, ребенокъ полностью покидаетъ ползанье. Физическое и духовное объединеніе Болгаръ со Славянами было актомъ свободнымъ, естественнымъ,—актомъ этническимъ и этно-поэтическимъ. Возникшая новая народность получила большую устойчивость, біологическую долговѣчность и лучшія духовныя качества, нежели тѣ, какими обладали первобытныя составныя расы нынѣшныхъ Болгаръ.

Еще въ большемъ размѣрѣ то же *творческое таинство* этнической жизни совершилось при свободномъ объедининеніи Славянъ и Финновъ, которое привело къ созданію новой великой вѣтви человѣчества. Финны усвоили славянскій языкъ, забывъ родной, подобно Болгарамъ, и слились антропологически съ Славянами, положивъ тѣмъ начало новому народу—*русскому народу*. Образованіе русскаго народа, какъ и болгарскаго, произошло почти на глазахъ исторіи. Антропологія и этническая психологія освѣтили это творческое таинство жизни, которое совершило свой сеансъ психо-физической дифференціаціи и интеграціи. Такимъ образомъ, на возникновеніи зачинающейся и пока крошечной русско-бурятской расы, на образованіи болгарскаго, а особенно русскаго народа хитроумный этническій процессъ приподнимаетъ свою завѣсу и раскрываетъ предъ историкомъ и предъ психологомъ великую тайну жизни. *Какая цѣль образованія новыхъ народовъ?*

Если-бы въ отвѣтъ на предложенный вопросъ мы сказали, что цѣль состоитъ въ расширеніи и

раздробленіи жизни. въ развитіи спеціальностей и варьянтовъ, то отвѣтъ не былъ-бы точнымъ, потому что рядомъ съ раздробленіемъ и спеціализаціей жизни, рядомъ съ ея дифференціаціей идетъ процессъ интеграціи, т. е. складываніе отборныхъ частей для составленія новыхъ оригинальныхъ улучшенныхъ варьянтовъ жизни и въ особенности улучшеннаго психизма. Оба процесса и въ особенности второй выражается иной разъ такъ наглядно и такъ безспорно, что можно-бы даже сказать, что природа какъ-бы задается цѣлью творить не столько новые формы людей, сколько изобрѣтать и созидать новинки и чудеса *психизма*, чтобы этимъ путемъ улучшать человѣчью породу. Голова, рука, нога, глазъ, ухо и пр.—не это все совершенствуется, не въ этомъ наблюдается прогрессъ жизни, напротивъ физическіе органы остаются у потомковъ такими-же, какъ у предковъ, но нервные центры показываютъ все больше и больше усовершенствованія отъ поколѣній къ поколѣнію, т. е.. усовершенствованіе приходится на самый органъ мысли. Такимъ образомъ, достиженіе прогресса душевной жизни—это главная очевидная забота природы, ясно сказывающаяся въ образованіи новыхъ расъ и новыхъ народовъ на землѣ. На примѣрѣ образованія русской націи изъ Славянъ и Финновъ можно усмотрѣть эти творческіе шаги природы и подмѣтить самыя цѣли ея движеній.

Вступая въ таинственный процессъ антропологическаго объединенія съ Финнами, Славяне принесли съ собою въ общую сокровищницу будущаго народнаго духа всѣ свои природныя *предрасположенія*, свои достоинства и нѣкоторыя свои слабыя стороны.

Основную черту Славянъ съ незапамятныхъ временъ составляла ихъ чуткая впечатлительность, нервная подвижность, что соотвѣтствуетъ тонко развитому чувству и достаточно развитому уму. Оба качества вызываютъ живость характера и непостоянство. Самыми типическими чертами этого характера являются: *скорбь, терпѣніе и величіе духа среди несчастій.* Рольстонъ справедливо говоритъ, что русскій народъ склоненъ къ меланхоліи, составляющей типическую его черту. Брандесъ, характеризуя произведенія Тургенева, какъ національнаго писателя, говоритъ, что „въ произведеніяхъ Тургенева много чувства, и это чувство всегда отзывается скорбью, своеобразной глубокой скорбью. По своему общему характеру — это есть славянская скорбь, тихая, грустная, та самая нота, которая звучитъ во всѣхъ славянскихъ пѣсняхъ". Для характеристики этой славянской скорби и разъясненія ея психологическаго характера мы можемъ прибавить, что наша національная скорбь чужда всякаго пессимизма и не приводитъ ни къ отчаянію, ни къ самоубійству, напротивъ, это есть та скорбь, о которой говоритъ Ренанъ, что она „влечетъ за собою великія послѣдствія". И въ самомъ дѣлѣ, у русскаго человѣка это чувство представляетъ собою самый чистый и естественный выходъ изъ тяжелаго внутренняго напряженія, которое иначе моглобы выразиться какимъ либо опаснымъ душевнымъ волненіемъ, напр., гнѣвомъ, страхомъ, упадкомъ духа, отчаяніемъ и тому подобными аффектами. Среди несчастій, въ опасныя минуты жизни у Славянъ является не гнѣвъ, не раздраженіе, но чаще всего грусть, соединенная съ покорностью судьбѣ и вдумчивостью въ событія. Такимъ образомъ, сла-

вянская скорбь имѣетъ свойства предохранительнаго чувства, и въ этомъ кроется ея высокое психологическое значеніе для нравственнаго здоровья: она оберегаетъ душевный строй и обезпечиваетъ незыблемость нравственнаго равновѣсія; являясь унаслѣдованнымъ качествомъ, Славянская скорбь стала основной благотворной чертой великаго народнаго духа.

Всѣ другія стороны чувства и, вообще, эмоціональная сторона души хорошо развиты у Славянъ: въ этомъ отношеніи Славянство приближается къ романскимъ расамъ и превосходитъ природныя финскія.

Слабѣйшую сторону славянскаго характера составляетъ воля: она гораздо менѣе энергична, чѣмъ у другихъ народовъ, и въ этомъ отношеніи Славяне представляютъ противоположность германскимъ и англосаксонскимъ расамъ и финнамъ. Оттого Славяне легко уступаютъ тамъ, гдѣ другіе умѣютъ постоять за себя. Притомъ воля у Славянъ выражается порывами (Leroy Beaulieu), какъ будто для накопленія ея требуется срокъ. Славянскій геній не чуждъ яснаго сознанія этой особенности и поэтически изобразилъ ее въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, который жилъ періодически, то засыпая на долгій срокъ, то пробуждаясь съ обновленной силой.

Подобно Славянамъ, Финны, вступивъ въ антропологическій союзъ, внесли въ составъ будущаго народнаго духа новой націи и свои лучшія, и свои слабѣйшія стороны. Финляндскій поэтъ пусть явится докладчикомъ по этому вопросу.

Топеліусъ слѣдующими чертами изображаетъ Финновъ: „природа, судьба и традиціи наложили на

финскій типъ общій отпечатокъ, который, хотя и подвергается на протяженіи страны значительнымъ измѣненіямъ, но все таки легко подмѣчается иностранцемъ. Общими характерными чертами являются: несокрушимая, выносливая, пассивная сила; смиреніе, настойчивость съ ея обратной стороной— упрямствомъ; медленный, основательный, глубокій процессъ мышленія; отсюда медленно наступающій, но за то неудержимый гнѣвъ; спокойствіе въ смертельной опасности, осторожность, когда она миновала; немногословность, смѣняющаяся неудержимымъ потокомъ рѣчей; склонность выжидать, откладывать, но затѣмъ нерѣдко торопиться некстати; преданность тому, что древне, что уже извѣстно, и нелюбовь къ новшествамъ; вѣрность долгу, послушаніе закону, любовь къ свободѣ, гостепріимство, честность и глубокое стремленіе къ внутренней правдѣ, обнаруживающееся въ искреннемъ, но преданномъ буквѣ, страхѣ Божьемъ. Финна узнаешь по его замкнутости, сдержанности, необщительности. Нужно время, чтобъ онъ растаялъ и сталъ довѣрчивымъ, но тогда онъ становится вѣрнымъ другомъ; онъ часто опаздываетъ, часто становится посреди дороги, не замѣчая того самъ, кланяется встрѣчному знакомому, когда тотъ уже далеко; молчитъ тамъ, гдѣ лучше было-бы говорить, но порой говоритъ тамъ, гдѣ лучше было-бы промолчать; онъ одинъ изъ лучшихъ солдатъ въ мірѣ, но плохъ по части расчетовъ, онъ видитъ иногда золото подъ ногами и не догадывается его поднять; онъ остается бѣденъ тамъ, гдѣ другіе богатѣютъ". Адмиралъ Стетингъ говоритъ: „нужно угостить Финна петардой въ спину, чтобы расшевелить его. Что касается внѣшняго вида, то общими являются только

средній ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе. Духовныя способности нуждаются во внѣшнемъ толчкѣ... Желаніе работать зависитъ у него отъ настроенія". Перъ Браге (ген.-губерн. Финляндіи съ 1648—1654 года и основатель университета) говорилъ о финнахъ, что дома они праздно валяются на печи, а за-границей одинъ изъ нихъ работаетъ за троихъ... Таковы главнѣйшія душевныя черты финскаго корня.

Изъ приведенной характеристики видно, что Финну, при его твердой волѣ, сильной въ сдерживаніи себя (самообладаніи) и столь же сильной во внѣшнихъ проявленіяхъ, не доставало достаточно ума, чтобы направлять волю, а не становиться слѣпымъ фанатикомъ дѣйствія. Съ другой стороны Финну не доставало живого чувства и тонкой отзывчивости на внѣшнія впечатлѣнія. Этими качествами обладаетъ Славянинъ. Объединеніе двухъ такихъ несходныхъ народностей дало расу среднюю въ физическомъ отношеніи и дополнило духовный образъ до степени цѣлостности: Русскій, впитавъ въ себя финскую душу, получилъ черезъ нее ту тягучесть и выдержку, ту устойчивость и силу воли, какой не доставало его предку—Славянину; а въ свою очередь Финнъ, подъ вліяніемъ славянской крови, пріобрѣлъ отзывчивость, подвижность и даръ иниціативы. Нравственныя качества Финна и Славянина, слившись въ одномъ народномъ организмѣ, взаимно дополнили другъ друга, и получился цѣльный нравственный образъ, болѣе совершенный въ психическомъ смыслѣ, чѣмъ составныя части, изъ которыхъ онъ сложился.

Типы Малорусса и Великорусса отличаются между собою въ томъ отношенiи, что у Малорусса

въ меньшей степени получились тѣ новыя черты, которыя пріобрѣтены отъ Финновъ, и болѣе сохранился природный славянскій умъ и чувство. Такимъ образомъ, Малоруссъ оказался болѣе идеальнымъ, Великоруссъ болѣе дѣятельнымъ, практичнымъ, способнымъ къ существованію. Малоруссъ, говоритъ Leroy-Beaulieu, болѣе подвиженъ, болѣе склоненъ къ размышленію (—развитой умъ), но менѣе дѣятеленъ (—болѣе слабая воля). Его чувства тоньше и глубже; онъ болѣе поэтиченъ и склоненъ къ внутреннему анализу.

Разбирая причины нравственнаго сближенія, дружбы и любви, психологъ Вундтъ (W. Wundt) находитъ, что въ основѣ названныхъ исканій и чувствъ лежитъ сознаніе субъектомъ своей духовной неполноты отъ слабаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ души. Отсюда возникаетъ стремленіе дополнить эти стороны нравственнымъ общеніемъ съ существомъ, которое въ изобиліи обладаетъ тѣмъ, чего намъ недостаетъ. Такимъ образомъ, дружба и любовь устанавливается не между *сходными* по духовной организаціи людьми, а, наоборотъ, между *различными*. Путемъ психическаго общенія, соединенныя узами дружбы, но несходныя или незаконченныя натуры взаимно себя дополняютъ и развиваютъ. Въ этомъ заключается смыслъ и жизненное значеніе дружбы. Подобными же требованіями жизни вызывается и объединеніе расъ. Но оно содержитъ въ себѣ и другую болѣе широкую программу и совершается при помощи гораздо болѣе могучихъ средствъ, нежели тѣ, которыми располагаетъ дружба.

Сближеніе и объединеніе расъ представляетъ собою процессъ антропологическаго скрещиванія

разнородныхъ представителей человѣческаго рода, которые, руководясь смутнымъ, но вѣрнымъ инстинктомъ и психическимъ чутьемъ, соединяются физически и духовно въ одинъ народъ съ конечной цѣлью физическаго и духовнаго преуспѣянія и созданія новаго варьянта человѣчества. Какъ въ дружбѣ и любви, отдѣльныя личности руководятся стремленіемъ содѣйствовать развитію своихъ слабѣйшихъ духовныхъ сторонъ; такъ и въ процессѣ антропологическаго объединенія народовъ и въ скрещиваніи расъ осуществляется великая задача улучшенія цѣлаго народа и созданія новыхъ поколѣній съ готовой отъ природы усовершенствованной духовной организаціей. Въ созданіи русскаго народа особенно благопріятнымъ факторомъ явилось то обстоятельство, что этническая колонизація Славянъ въ глубь финскаго населенія совершалась контингентомъ и силами не одного какого-либо славянскаго племени (Полянъ, Кривичей, Сѣверянъ), но многихъ племенъ западныхъ, центральныхъ и особенно южныхъ единовременно (Костомаровъ). Это придало самому процессу скрещиванія печать всеславянскаго или *полиславянскаго* антропологическаго воздѣйствія. Такой способъ воздѣйствія особенно проявился въ созданіи населенія сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и центральныхъ частей Россіи. Съ этимъ, вѣроятно, и связаны особенности характера великорусскаго племени. Поляки, а за ними и западноевропейскіе ученые, говоритъ Костомаровъ („Двѣ русскихъ народности"), составили теорію, которая признаетъ въ великорусскомъ народѣ такую большую примѣсь, что называетъ этотъ народъ принадлежащимъ къ туранской расѣ, смѣшавшейся нѣсколько со славянской. Такъ какъ люди, проводив-

шіе эту теорію (Духинскій), совершенно не были приготовлены къ обсужденію такого важнаго вопроса, поэтому и теорія ихъ не имѣетъ никакого научнаго достоинства,—заканчиваетъ Костомаровъ. Обширнѣйшія антропологическія изслѣдованія и раскопки, произведенныя членами Московской антропологической школы, неопровержимо доказали, что великоруссы состоятъ изъ Славянъ и Финновъ, съ оттѣнкомъ *всеславянства*, о чемъ было сказано сейчасъ.

Обѣ стороны указанной сейчасъ грандіозной біо-культурной программы, т. е. психологическое усовершенствованіе живущихъ поколѣній и созданіе новой расы идутъ обѣ *параллельно*, но проявляютъ себя и раздѣльно, показывая тѣмъ, что каждая имѣетъ свою самостоятельность.

Уже одно духовное сближеніе расъ нерѣдко является высоко культурнымъ шагомъ, содѣйствуя улучшенію нравовъ и усовершенствованію умственныхъ процессовъ. Послѣднее нерѣдко сказывается съ особенной яркостью въ томъ фактѣ, что одинъ изъ сблизившихся народовъ усваиваетъ языкъ своего этническаго товарища, какъ это произошло съ Болгарами, усвоившими себѣ языкъ Сербовъ, и Финнами, принявшими славянскую рѣчь. Причиной усвоенія чужой рѣчи и оставленія родной обыкновенно являются высшія достоинства усваиваемой рѣчи, какъ психологическаго акта. Рѣчь представляетъ собою отраженіе и выраженіе умственныхъ процессовъ. Коль скоро у даннаго лица или народа рѣчь, а слѣдовательно и мысль лучше организованы, онѣ становятся предметомъ удивленія, преклоненія и подражанія. То, что Болгаре жадно усвоили сербскую рѣчь, показываетъ, что процессъ мысли при помощи этой рѣчи былъ легче, отчет-

ливѣе и яснѣе. Подобнымъ образомъ, для финновъ мышленіе при посредствѣ Кіевской рѣчи или рѣчи Древлянской и Кривичской было легче, способнѣе, прогрессивнѣе, и они охотно жертвовали своимъ роднымъ несовершеннымъ мыслительнымъ инструментомъ въ пользу чуждаго имъ, но болѣе совершеннаго пріема. И дѣлалось это съ тою радикальной рѣшительностью, съ какою ребенокъ покидаетъ ползанье на четверенькахъ для хожденія на двухъ ногахъ. И для Волжскихъ Болгаръ, и для Финновъ Славяне явились высшимъ образцомъ мыслительнаго искусства, и оттого и тѣ, и другіе не задумались взять трудъ изученія чуждой рѣчи, но купить цѣною этой недорогой монеты безцѣнный даръ успѣховъ мысли. Послѣдовавшее за личнымъ сближеніемъ отдѣльныхъ субъектовъ сближеніе и скрещиваніе расъ закрѣпило наслѣдственностью всѣ выгоды и преимущества, какими обладала каждая раса въ отдѣльности.

Главнѣйшіе результаты антропологическаго сближенія и объединенія Болгаръ съ Сербами и Финновъ со Славянами осуществились въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и привели къ возникновенію двухъ одаренныхъ націй—*болгарской* и *русской*.

Процессъ возникновенія новаго народа сопровождается нѣкоторыми эпизодами, глубоко интересными съ психологической и съ этической точекъ зрѣнія.

Около IX—X вѣка антропологическій процессъ скрещиванія двухъ составныхъ расъ русскаго народа значительно подвинулся впередъ, но еще далѣе пошелъ психологическій процессъ сознанія славянскими племенами своего общаго этническаго единства. Это былъ историческій моментъ выхода

народа изъ его младенческаго состоянія. Онъ ярко напоминаетъ индивидуальную психологію человѣческаго дѣтства. Когда ребенокъ, уже владѣющій мыслью и словомъ и умѣющій познавать внѣшній міръ, все еще не сознаетъ самого себя и не отдѣляетъ себя отъ внѣшняго міра, то онъ говоритъ о себѣ, какъ о внѣшнемъ предметѣ, въ третьемъ лицѣ: „Петя упалъ“, „Петѣ больно“, „Возьмите Петю на руки“. Но, вотъ, въ концѣ второго года или на третьемъ году дитя вдругъ начинаетъ отдѣлять себя отъ внѣшняго міра и противупологать себя, какъ личность, всему, что существуетъ внѣ—чувствуетъ *внѣшній міръ*, но также чувствуетъ *себя* и свой *внутренній міръ*. Это великій торжественный актъ, о которомъ по самочувствію говоритъ психологъ Вундтъ, художникъ Тишбейнъ и др. Съ этого момента своего индивидуальнаго развитія ребенокъ вмѣсто своего собственнаго имени начинаетъ употреблять личное мѣстоименіе: „*я* упалъ, *мнѣ* больно“, „возьмите *меня* на руки“. Подобный моментъ расширеннаго сознанія переживаютъ и вновь народившіяся и зрѣющія народности. До X вѣка славянскія народности сознавали себя только Полянами, Древлянами, Сѣверянами, Новгородцами, но около этого момента уже возникло сознаніе всенародной общности. Для этого новаго вида *сознанія* создалось новое слово: *Русь*. Оставаясь „Полянами“ и „Кіевлянами“ или „Кіевской землей“, Поляне стали называть себя *русью*. Впервые это новое общеславянское имя появилось въ Кіевѣ. Оно, однакожъ, безспорно отвѣчало общей назрѣвшей потребности и потому охотно было признано всѣми славянами и стало охотно и любовно примѣняться въ рѣчи и на письмѣ: ѣхать

въ Кіевъ—*въ Русь*—всюду говорилось и писалось. Слова — „русская земля“ стали не мѣстнымъ, а общеславянскимъ или общенаціональнымъ терминомъ: удѣльные князья на съѣздѣ въ Любечѣ постановляютъ *соблюдати „русскую землю“*, а слово о Полку Игоревѣ пошло еще дальше: оно говоритъ о русскихъ чувствахъ, стремленіяхъ, надеждахъ, о долгѣ предъ родиной, о вредѣ междуусобій. Въ этомъ высоко-художественномъ русскомъ произведеніи уже нѣтъ рѣчи объ частныхъ племенныхъ и территоріальныхъ интересахъ или чувствахъ Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Новгородцевъ и пр. Но зато появлялись новые термины: „русичи“ полегли за „русскую землю“ въ борьбѣ съ Половцами, „жены русскія всплакались при вѣсти о гибели „русскихъ князей“, возстоналъ Кіевъ, возстоналъ Черниговъ, тоска тяжелая расползлась по всему лицу „земли русской“, раздался плачъ Ярославны и въ ея слезахъ и рѣчахъ охватываются взоромъ русскія моря, рѣки и территоріи, какъ единое общее русское достояніе, безъ какихъ либо помѣстныхъ дробленій. Очевидно, идея о русскомъ народѣ, какъ этнической единицѣ, стала совершившимся и созрѣвшимъ психологическимъ фактомъ. И это тѣмъ болѣе знаменательно, что такая перемѣна наступила въ догосударственный періодъ народной жизни, когда еще не существовало никакихъ сорганизованныхъ объединительныхъ органовъ. Но *все психологическое* обыкновенно предупреждаетъ событія, ибо мысль всегда идетъ впереди дѣлъ и созидаетъ *ихъ*, а не созидается *ими!*

Съ укрѣпленіемъ въ сознаніи бывшихъ славянъ новаго термина: „русь“, „русскій“, наименованія эти стали прилагаться къ рѣкамъ, горамъ,

территоріямъ даже въ Карпатахъ и одновременно появились у иностранныхъ писателей, Арабовъ, Грековъ, пользовавшихся до того времени терминами: Скиѳы, Славяне, Сербы. Кіевъ и Кіевская русь или Полянская земля, вообще—югъ, были той территоріей, тѣмъ локализированнымъ пунктомъ, гдѣ впервые зародилась и впервые возвѣщена національная идея, связанная съ именемъ „русь“, „русскій“ (Костомаровъ). Слѣдовательно, то именно славянское племя, потомковъ котораго проф. Грушевскій называетъ „Украинцами“, было творцомъ *русской* національной идеи и провозвѣстникомъ русскаго этническаго единства.

Въ теченіе минувшей тысячи лѣтъ вновь народившаяся этническая сила возросла, возмужала и стала міровымъ самоопредѣляющимся психическимъ факторомъ. Не всѣмъ это дается въ такомъ широкомъ и неожиданномъ масштабѣ! Если обратимъ вниманіе на ту этническую особенность, которая тонко оцѣнена этнологами,—именно на особенную чистоту славянской расы въ ряду другихъ европейскихъ расъ и на феноменальную антропологическую простоту составныхъ частей русскаго народа, то значеніе этого народа является въ особомъ свѣтѣ. Э. Ренанъ, не безъ основанія, назвалъ удивительнымъ—геній русскаго народа, выступившаго только въ минувшемъ XIX столѣтіи на авансцену міра, но сразу показавшаго свою самобытность.

Хотя внѣшняя исторія русскаго народа въ истекшее первое тысячелѣтіе его жизни не была замѣтной и внушительной и, наоборотъ, была, быть можетъ, менѣе продуктивной, нежели у другихъ народовъ земли, но это стоитъ въ несомнѣнной связи съ фактомъ медленной этнической интеграціи,

которая, однако, потому медленна, что богата глубинной сложностью и оригинальностію плана. Особенности русской психической эволюціи обратили на себя вниманіе иностранныхъ мыслителей и этнологовъ, а въ отечествѣ хотя и служили предметомъ неодобренія со стороны нетерпѣливыхъ преобразователей или стороннихъ зрителей, но въ глубинѣ народныхъ массъ какъ національные идеалы, такъ и самый ходъ ихъ развитія—медленный, основательный—сопровождается непоколебимой вѣрой и надеждами.

Особенности русской этнической психологіи, на которыя обращено вниманіе иностранныхъ мыслителей и этнологовъ, состоятъ въ слѣдующихъ качествахъ, заслуживающихъ хотя бы самаго краткаго упоминанія и оцѣнки. Это *во-первыхъ—идеализмъ* воззрѣній и жизни, придающій русскому народу особую печать этническаго культурнаго безкорыстія, *во-вторыхъ*—общеизвѣстная славянская *грусть* и *задушевность*, придающія медленный темпъ, глубину и основательность всѣмъ душевнымъ движеніямъ, начиная отъ мысли и кончая дѣйствіемъ, *въ-третьихъ—вѣра*, какъ психологическая черта и свойство, дающее увѣренность, устойчивость и прочность надеждамъ, ожиданіямъ и самому идеализму. Твердая вѣра, какъ естественная прирожденная черта русской этнической психологіи, облегчила русскому народу принятіе и усвоеніе христіанской религіи, въ которой народный духъ нашелъ подкрѣпленіе и освѣщеніе своихъ глубочайшихъ идеальныхъ запросовъ—отчего религія получила въ русскомъ народѣ значеніе не только конфессіональнаго, но и важнаго жизненнаго фактора, не всегда понимаемаго иностранцами.

Четвертой отличительной народной чертой является русское *гостепріимство и терпимость;* эта особенность представляетъ народную черту еще со временъ славянства, т. е. со временъ прарусскихъ, и лежитъ въ основѣ общепризнанной за Россіей цивилизаторской роли, чуждой духа эксплоатаціи.

Всѣ указанныя основныя черты русской этнической психологіи свойственны въ равной степени представителямъ всѣхъ отдѣловъ, на какіе обыкновенно подраздѣляютъ русское населеніе, т. е., великоруссамъ, бѣлоруссамъ и южноруссамъ, а потому нѣтъ собственно основанія для названныхъ подраздѣленій. Естественнѣе и въ научно-этническомъ отношеніи правильнѣе удержать одно только наименованіе: *русская народность* и терминъ: „русскій“. Если Костомаровъ въ своей статьѣ 50 л. назадъ говоритъ о двухъ русскихъ народностяхъ: Великоруссахъ и Южноруссахъ, то рѣчь, ясно, идетъ только о подраздѣленіяхъ, какъ показываетъ и самое заглавіе, притомъ историкъ дѣлаетъ это не на основаніи современной этнической психологіи великоруссовъ и южноруссовъ, а скорѣе въ виду проявленныхъ ими изначальныхъ историко-политическихъ тенденцій, предопредѣлившихъ политическую судьбу всей расы, именно—стремленіе создать общину и государство за счетъ индивидуальныхъ свободъ (Великоруссы) и слабо проявленныхъ государственныхъ тенденцій (Южноруссы). За исключеніемъ этого спеціальнаго политическаго пункта, обѣ поднародности проявляютъ общія этническія свойства: тѣ же религіозно-аскетическія аспираціи вначалѣ, тѣ же монастыри и храмы, та же этническая колонизація финнскаго населенія, тотъ же общій книжный и богослужебный

языкъ, то же общее сознаніе своей принадлежности *къ русской народности*, которое и явилось общимъ психологическимъ центромъ, объединившимъ основные этническіе идеалы. Непререкаемое единство этническаго сознанія, сказавшееся въ усвоеніи общаго имени *Русь*, еще ярче и съ художественной силой выразилось въ литературныхъ памятникахъ, какъ, напр., въ словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ народныя чувства, стремленія, идеалы и поэзія охватываютъ въ мысли и чаяніяхъ всю *Русь* отъ Новгорода и Полоцка до Кавказа и Тамани, отъ Нѣмана и Волги до береговъ Дуная и Чернаго моря. Здѣсь русскій народъ созналъ себя этнически единымъ, несмотря даже на политическое разъединеніе.

То этно-политическое различіе Южной и Сѣверной Россіи, о которомъ упоминаетъ Костомаровъ, и которое, согласно его мысли, свидѣтельствуетъ, будто-бы, о стремленіи Сѣвера къ созданію *едино-русской державы*, а Юга—къ созданію *Славянской федераціи*,—это не есть этническая черта, а скорѣе этно-политическій варьянтъ народной психологіи и прямо не входитъ въ программу нашей бесѣды. По поводу его много говорить—значитъ гадать, при томъ гадать о томъ, чего не было... Гадать о созданіи большаго политическаго тѣла — а таковымъ Русь зачалась — гадать притомъ о созданіи такого тѣла безъ прочныхъ скрѣпъ—это политика, можетъ быть, и не осуществимая на нашей территоріи, гдѣ нѣтъ естественныхъ защитныхъ границъ и гдѣ добрымъ сосѣдямъ легко было-бы разобрать по частицамъ всю Русь (одну федерацію за другой). Но созданіемъ единой державы такая этно-гибельная перспектива предупрежда-

лась... По поводу подобныхъ вопросовъ любятъ указывать на федеративный примѣръ Америки. Но Америка *во-первыхъ* опоясана океанами, т. е., имѣетъ естественную ограду, а *во-вторыхъ* Америку не хотятъ ставить въ примѣръ человѣчеству такіе великіе люди, посѣтившіе эту страну, какъ Вольтеръ въ концѣ 18 в. и Гербертъ Спенсеръ въ концѣ 19 в. Оба думаютъ, что умственное будущее такой страны не должно быть предметомъ подражанія: есть лучшіе образцы, и наша страна ихъ предпочитаетъ.

За исключеніемъ указаннаго сейчасъ этно-политическаго пункта, т. е., единодержавія на сѣверѣ и федераціи на югѣ въ остальномъ сѣверная и южная Русь сходны этнически.

Внѣшняя борьба, которую испытала вновь возникшая русская народность, скрыла отъ взора перепетіи развитія народнаго духа, а быть можетъ и самое развитіе переживало свой внутренній подготовительный періодъ, но только вся народная жизнь видимо затихла, и ни литературы, ни просвѣщенія, ни религіозной и политической борьбы, какъ на западѣ Европы, не замѣчалось: текущая жизнь носила печать мало замѣтной обыденности. Для племенъ славяно-финнскаго этническаго корня такое затиханіе жизни не представляется дурнымъ знакомъ и лишь характеризуетъ періодичность ея проявленій; періоды затиханія какъ-бы соотвѣтствуютъ времени скрытаго накопленія силъ и психической заготовки; видимая-же непрерывность напряженій: „шумимъ, братецъ, шумимъ“ издавна вызываетъ въ русской душѣ скорѣе иронію, чѣмъ одобреніе. Напротивъ, затиханіе и внутренняя работа чувствуется въ народной душѣ, какъ есте-

ственное явленіе. Нѣкоторые сильные историческіе эпизоды показываютъ, что всегда было такъ: этническая жизнь не угасала, и сколько нибудь рѣзкіе толчки заставали ее готовой, а не врасплохъ. Это замѣчалось какъ въ центральной и восточной Россіи, носившей въ ту пору имя Московскаго государства, такъ и въ Южной Руси, входившей тогда въ составъ Польско-Литовскаго государства. Къ такимъ сильнымъ историческимъ эпизодамъ или показательнымъ событіямъ въ Южной Руси относится борьба съ Поляками за религію и народность. Эта борьба показала, что *сна нѣтъ*, а есть духовная чуткость и есть сокрытая заготовленная сила самозащиты. Для Московскаго государства подобнымъ-же показательнымъ реактивомъ явилась борьба съ Польшею за славянскую гегемонію и борьба съ внутренней смутой за цѣлость государства. Московская Русь въ обоихъ случаяхъ, т. е. во внѣшней борьбѣ съ Польшей и въ борьбѣ со смутой, оказалась національно подготовленной и сильной для самосохраненія. Такимъ образомъ, и въ Южной, и въ Сѣверной Руси этническое развитіе и сознаніе оказалось зрѣлымъ и мощнымъ. И тамъ, и здѣсь ярко сказалась національная черта русской (финно-славянской) народности — *вѣра въ правду своихъ расовыхъ идеаловъ и надеждъ* — та сила и степень вѣры, при которой раса въ борьбѣ готова жертвовать половиною своего населенія, но отстоять свои святыни.

III. Недавнее прошедшее и современность.

Восемнадцатый вѣкъ былъ періодомъ пробужденія русскаго народа. Независимо отъ крупныхъ политическихъ успѣховъ совершенъ огромный куль-

турно-этническій шагъ — созданіе общаго литературнаго языка, какъ органа уже достаточно назрѣвшей этнической психологіи. Въ этой работѣ участвовала личными силами вся этническая Русь; но особенно замѣтную роль играли представители южной Руси, гдѣ работа мысли и письменность возникли нѣсколько раньше, чѣмъ на сѣверѣ (Кіево-Могилянская Коллегія, Мелетій Смотрицкій, Эпиф. Славинецкій, Сим. Полоцкій, Ст. Яворскій, Димитрій Митр. Ростов. и проч.). Крупнымъ участіемъ Южноруссовъ въ созданіи общаго всероссійскаго литературнаго языка въ значительной степени предрѣшенъ вопросъ въ пользу великорусскаго нарѣчія, такъ какъ южноруссы не поставили на очередь собственную племенную рѣчь, но присоединились къ великорусскимъ товарищамъ мысли и слова. Вѣроятная глубокая причина этого этническаго событія будетъ указана далѣе. Въ первоначальный моментъ, когда и великорусская и южнорусская письменность носили печать близкую къ древнему церковно-славянскому или книжному языку, т. е. 16—17 вѣка,—обѣ русскія письменности обладали приблизительно равными шансами на первенство, но въ теченіи 18 вѣка и началѣ 19-го совершилось обычное въ этнической исторіи событіе — выборъ *одного* изъ племенныхъ нарѣчій и возведеніе его въ рангъ общаго языка всѣхъ племенъ или языка расы. Вѣроятныя причины этническаго избранія великорусской рѣчи и письменности содержатся въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ одной сторонѣ психологическихъ основаніяхъ или обстоятельствахъ, а именно: въ появленіи четырехъ геніальныхъ (Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова), нѣсколькихъ талантливыхъ лю-

дей (Жуковскаго, Тургенева, Аксаковыхъ), и цѣлой плеяды второстепенныхъ дѣятелей. За исключеніемъ Гоголя всѣ были великорусы по рожденію. Вторымъ условіемъ явился свойственный великоруссамъ перевѣсъ *воли*, дающей успѣхъ во всякомъ дѣлѣ при равныхъ шансахъ *ума* и *чувства*. Хотя два послѣднія качества были въ перевѣсѣ у южноруссовъ—они уступили первую роль великоруссамъ и добровольно впряглись въ общую колесницу мысли, рѣшивъ тѣмъ незамедлительное наступленіе назрѣвшаго момента этнической психологіи—вопроса о языкѣ. Помимо этихъ второстепенныхъ условій, самая природа языка, т. е., его лингвистическія свойства и его психологія участвовали могущественнымъ образомъ въ направленіи событій. Это собственно и было первостепеннымъ двигателемъ—первопричиной событій! (О ней рѣчь нѣсколько ниже, стр. 43—44).

Появленіе украинскаго (южно-русскаго) языка на этническомъ полѣ Россіи около столѣтія тому назадъ уже не могло измѣнить судебъ даже въ тотъ моментъ, когда на горизонтѣ засвѣтилась яркая звѣзда Тараса Шевченка.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко выступилъ на литературное поприще, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вопросъ о литературномъ общерусскомъ языкѣ уже былъ разрѣшенъ въ пользу великорусскаго языка. Вопреки своему великому земляку Гоголю, который писалъ по-русски, Шевченко писалъ на обоихъ языкахъ—русскомъ и украинскомъ. Обоими языками онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Его русская рѣчь также глубоко мѣтка, какъ и украинская поэтическая *мова*. Особенность поэтическаго дара Шевченко состоитъ въ томъ, что онъ глу-

боко чувствовалъ психологію языка и — что еще важнѣе — онъ чувствовалъ языкъ въ его историческомъ тысячелѣтнемъ потокѣ. По словамъ Житецкаго, поэзія Шевченка является наслѣдіемъ прошлаго и свидѣтельствомъ настоящаго. Какъ далекое прошлое, когда малороссійская народность еще не отдѣлилась отъ общаго славянскаго рода, такъ и прошлое, когда она составляла одно цѣлое съ великорусской—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Въ этомъ отношеніи Шевченко подобенъ Пушкину, который носилъ въ себѣ языкъ въ его долгомъ историческомъ составѣ и теченіи. Языкъ Пушкина и языкъ Шевченко это не языки минуты или эпохи, но это голосъ и говоръ исторіи и психологіи языка. Оттого въ нихъ чувствуется что-то обаятельное глубоко и безконечно-родное, свѣжее, въ то же время, торжественное, величаво-древнее.

Съ именемъ Т. Шевченко связано возсозданіе украинскаго языка и самаго термина „Украина“, „Украинцы“. Этотъ терминъ появляется въ исторіи впервые (по отношенію къ Южной Руси) въ устахъ административнаго Польскаго и Московскаго творчества около 16 — 17 вѣка, наравнѣ съ терминами: Псковская, Рязанская, Гетманская „Украина“, а въ первой половинѣ минувшаго вѣка для Южной Руси этотъ терминъ освященъ талантомъ Шевченка, и съ того времени украинство стало не только литературнымъ, но и политическимъ движеніемъ особенно съ момента основанія Наукового Товариства имени Шевченка въ Австріи. Украинство и Украинскій языкъ стремятся подняться на высоту психологическаго, этническаго и литературнаго факта.

Таковъ смыслъ тѣхъ крупныхъ усилій, какія находятъ свое представительство въ дѣятельности, въ изданіяхъ и трудахъ означеннаго Товариства.

Что достижимо, что возможно, что соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности?

Рѣка психическихъ теченій, подобно рѣкѣ времени и подобно потоку физическихъ водъ, не возвращается и не останавливается. Сроки и случай для возвышенія и подъема южнорусскаго языка на высоту общелитературнаго языка *русской народности* миновали и никогда болѣе не повторятся. Такъ вообще протекаютъ этническія событія, согласно закону эволюціи! Но въ данномъ случаѣ уже заготовленъ, по крайней мѣрѣ на долгія времена впередъ, содѣйствующій моментъ, содержащійся въ самомъ составѣ и строѣ двухъ племенныхъ нарѣчій —великорусскаго и южнорусскаго. Моментомъ этимъ служитъ языковая психологія обоихъ нарѣчій [1]), какъ видно изъ нижеслѣдующаго разсужденія.

Въ основѣ всякаго *слова* человѣческой рѣчи сокрыта и звукамъ предшествуетъ *идея*, идейный или умственный *образъ* или *представленіе*. Произнося слова: *рѣка, колокольня, козявка,* мы предварительно уже имѣемъ въ умѣ зримую или иную картинку, напр., видимой на ландшафтѣ движущейся массы водъ (рѣка), или картинку стоящаго неподвижно, высящагося въ воздухѣ. узкаго зданія (колокольня), или образъ копошащагося на землѣ крошечнаго живого существа, съ движущимися пож-

[1]) Если считать оба нарѣчія за языки, какъ думаютъ нѣкоторые ученые (Житецкій, Науменко, Миклошичъ), то выводъ отъ этого не измѣняется.

ками и усиками (козявка). Эти умственные образы, или идеи предшествуютъ слову и составляютъ сущность всего дѣла, а слово есть только ярлыкъ, или видимый и слышимый знакъ идеи—слышимый, если слово произносится, видимый, если начертано литерами. Такова *психологія языка* или психологія рѣчи. Анализируя этотъ процессъ въ различныхъ языкахъ и у различныхъ народовъ, мы встрѣчаемся съ тою капитальной особенностью, что каждый народъ имѣетъ свою особенную языковую психологію. Если разсмотримъ это на примѣрахъ, то самая идея предмета станетъ ясной. Для русскаго ума или для русской мысли *двоедушный* человѣкъ это человѣкъ съ двойной душой для нѣмца—zweiherzliche, oder zweizüngige Mann, т. е. человѣкъ съ двойнымъ сердцемъ или двойнымъ языкомъ, для француза—это homme double, faux, dissimulé, т. е. двойной, фальшивый, притворный человѣкъ. Для русскаго *отдыхать* (отъ-дыхать)—значитъ такъ расположиться, чтобы хорошо *дышать;* для француза отдыхать—reposer, se delaisser, т. е. сложить руки, положить себя, распустить себя; для нѣмца *отдыхать* ausruhen, sich erholen, т. е. отпочивать, набираться силъ. Для русскаго при *мысли о понуканіи* въ умѣ является представленіе о крикѣ и звукахъ: ну! ну! т. е. представляется дѣйствіе голосомъ, для француза при *мысли о понуканіи* представляется дѣйствіе рукою—pousser, stimuler, presser, т. е. толкать, двигать, давить, напирать. Возникающая раньше слова мысль, идея или образъ уже ведутъ за собою и самое слово, которое будетъ *мѣткимъ словцомъ*, если идея вѣрна. ~~какъ показываетъ таблица на стр. 40—41~~.

ПРИ

изъ сравнительной психоло

	РУССКІЙ.	УКРАИНСКІЙ.
1	Двоедушіе. Идея: о двухъ душахъ.	Дводу́шність. (Ефр. Пнсм. 220). То же, что въ русск.
2	Обманъ. Идея: о невѣрномъ предвѣщательн. сигналѣ. (Манить рукой или другимъ знакомъ).	Обма́на. Грінч. 17. То же, что въ русск.
3	Осторожность. Идея: о стражѣ, *сторожъ* (О—сторож—ность).	Осторожність. Гр. 71. Таже идея, что въ русскомъ.
4	Отвратительно. Идея: удаленія, отклоненія, отворота отъ предмета съ дурн. запахомъ, видомъ, вкус. и пр.	Відворо́тно. Гр. 208. Таке мені все одворітнѐ (о пищѣ)—Авт. То же, что въ русск.
5	Отдыхъ. Идея: о дыханіи. (От—дыхъ).	Віддиха́ння. Гр. 21. То же, что въ русск.
6	Понукать, Идея: о дѣйствіи *голосомъ*, о звукахъ: ну! ну!	Понуку́ти. Пону́ка, (Гр. 312). То же, что въ русск.
7	Поступиться. Идея: отступленія съ занимаемой позиціи въ отношеніи лица или предмета.	Поступи́тися. Гр. 373. То же, что въ русск.
8	Сомнѣніе. Сомнѣваться. Со—мнѣніе. Идея: борьбы нѣсколькихъ мнѣній (со—мнѣніе).	Су́мнівъ (Жел.). Сумни́тися. Гр. 229. То же, что въ русск.

МѢРЫ

гіи и этимологіи языковъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ.	НѢМЕЦКІЙ.
Dissimulation, fausseté. Идея: о фальши, притворствѣ.	Doppelherzigkeit. Zweizüngigkeit. Идея: о двойномъ сердцѣ или двухъ языкахъ.
Trompe, trompez. Идея: о невѣрномъ сигналѣ трубой (trompe—труба).	Betrug, Trug. Идея: о невѣрномъ носильномъ сигналѣ—платьѣ, оружіи и пр. (Tragen нести).
Circonspection. Идея: о смотрѣніи *вокругъ*.	Vorsichtigkeit, Behutsamkeit. Идея: о смотрѣніи *впередъ*, о прикрытіи и защитѣ.
Degoutant. Repugnant. Hideux. Идея: о дурн. вкусѣ и запахѣ, или о дурномъ на видъ.	Widerlich. Ekelhaft. Идея: о тошнотворномъ и противномъ.
Reposer. Se delaisser. Идея: о покоѣ, о лэжаніи, о прекращеніи напряженія членовъ.	Erholen. Идея: о возстановленіи силъ, о пополненіи силъ.
Pousser. Stimuler. Presser. Идея: о дѣйствіи рукою, о движеніи, давленіи, толканіи, напорѣ.	Treiben. Eintreiben. Идея: о движеніи рукою или орудіемъ.
Abandonner son dessein. Renoncer. Идея: отказа отъ намѣренія. Отказъ словомъ.	Abtreten. Überlassen. Идея: о шагѣ назадъ: объ оставленіи намѣренія.
Doute. Идея: о раздвоеніи (отъ стар. инструмента въ родѣ двубубца—Littré.	Zweifel. Bedenken. Идея: о раздвоеніи. Идея: объ усиленной думѣ.

Для вящшей ясности предмета не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на тѣ слова, которыя на первый разъ кажутся отличными, въ двухъ сравниваемыхъ языкахъ, то по своей фонетикѣ, то по своей психологіи. Таковы, напр., слова:

Отворить	Відчиняти	(Грінч. 234).
Затворить	Зачиняти	(Грінч. 116).
Притворить	Причиняти	

Эти слова—болѣе, чѣмъ синонимы, они просто тождественны, потому что каждое изъ нихъ свободно входитъ въ другой языкъ и тѣмъ непрерывно оживляютъ взаимную связь обоихъ и тождество содержащихся въ нихъ идей даннаго корня. Два слова: *творить* и *чинить*, свободно живутъ въ обоихъ языкахъ, какъ показываютъ примѣры: „витворяти“ (укр.): „причинять бѣду, натворить бѣдъ“ (русск.), или: „таке було вытворюе“ (укр. Гринч. 192): или: „столько, бывало, натворитъ“ (русск.). Множество выраженій этого рода, свойственныхъ какъ будто-бы одному языку, въ дѣйствительности свойственны и другому, и при помощи такого Словаря, какъ Словарь Великорусскаго языка Даля, гдѣ записаны мѣстные говоры въ разныхъ губерніяхъ, можно убѣдиться, что почти каждое слово украинскаго языка гдѣ нибудь въ другомъ концѣ Россіи живетъ въ глубинѣ провинціальной глуши, доказывая тѣмъ живую общность двухъ языковъ. Для примѣра возмемъ украинское слово: чóбіт (сапогъ). Какъ будто оно вовсе не русское, но въ Пермской и Вятской губерніи еще живетъ слово: „чеботарь“ (Сапожникъ) — („Знай, чеботарь, свое кривое голенище“) (Даль). Такое чисто украинское слово какъ *схаменутися*

(опомниться, спохватиться) живетъ и въ языкѣ Псковской губерніи (Даль) и т. д.

Есть такія слова (ихъ весьма мало), которыхъ и у Даля не найти, напр., слова: „цікавий“ „цікавість“, но они, вѣроятно, заимствованы съ польскаго языка и т. д. Такимъ образомъ, этими кажущимися исключеніями только подтверждается чрезвычайная близость русскаго съ украинскимъ въ живомъ говорѣ народной рѣчи. Общій литературный языкъ сближаетъ разные говоры и дѣлаетъ легкимъ усвоеніе общаго языка страны для всѣхъ нарѣчій, и это скоро ведетъ къ естественному перевѣсу языка надъ нарѣчіями, что́ такъ ясно сказалось въ Украинѣ въ послѣднія десятилѣтія.

Мы приложили на стр. 40 41 таблицу изъ восьми словъ, чтобы сдѣлать ясной *идею психологіи языка.* Не звуками, не фонетикой, не лингвистикой характеризуются языкъ, рѣчь и слово, а психологіей и умственными процессами, лежащими въ душѣ человѣка и народа.

Различіе этническихъ психологій ведетъ къ различію психологій языка, а обѣ вмѣстѣ ведутъ къ отличію и различенію народовъ и являются этническими признаками народа, на ряду съ антропологическими и другими этническими отличіями.

Сравнивая языкъ русскій и украинскій, легко усмотрѣть почти полное тождество психологій этихъ двухъ языковъ и лежащую, въ основѣ ихъ, совершенную близость душевныхъ и умственныхъ процессовъ, воззрѣній и пріемовъ мысли. Это показываетъ съ очевидностью, что *русскій и украинскій языки—это не два языка, а одинъ языкъ;*

въ крайнемъ случаѣ можно говорить о двухъ нарѣчіяхъ одного праязыка, но это было-бы почти логической тавтологіей. Различіе между русскимъ и украинскимъ языками—не психологическое, а фонетическое или звуковое, слѣдовательно, различіе не внутреннее—глубокое, а внѣшнее кажущееся: звуками они разнятся, но ихъ психологія тождественна. Въ существѣ дѣла, эти языки отличаются такъ, какъ отличаются между собою слова: *аткуда, аткелева, аткентелѣва, відкіль, видкіля, откуль, откулева, откулича* (Слов. Даля) и т. д. Все это одно и то же слово: „*откуда*“ въ разныхъ фонетическихъ и лингвистическихъ нарядахъ, но тутъ вовсе нѣтъ различія языка и рѣчи. Есть только различіе фонетическое, т. е. звуковое, какъ въ словахъ: *откуда, відкіля*, но и здѣсь отличія не идутъ далеко, и малорусское нарѣчіе наравнѣ съ бѣлорусскимъ ближе къ великорусскому, чѣмъ польскій, или чешскій языкъ.

Фактъ такихъ кажущихся различій, но дѣйствительной близости малорусскаго и великорусскаго языковъ былъ, безъ сомнѣнія, вѣдомъ тѣмъ ученымъ, письменникамъ и писателямъ 18—19 вѣка, которые своимъ согласіемъ и соучастіемъ содѣйствовали возведенію великорусскаго языка въ рангъ общаго литературнаго органа русскаго народа. Они были нравственно полномочными дѣятелями той эпохи и свободно рѣшали вопросъ, разрѣшаемый вообще знаніемъ и дарованіями. Но произвола или личныхъ движеній нельзя усматривать въ ихъ дѣятельности: они только повиновались требованіямъ дѣла, его пользамъ и успѣхамъ, движимые глубокимъ чутьемъ закона *психической интеграціи* (см. выше стр. 16-я), которая объединяетъ

дробныя, но достаточно дифференцированныя части. Къ этому необходимо прибавить, что общій научно-литературный языкъ, какъ культурно-этническое орудіе народа, составляется, какъ извѣстно, изъ нарѣчій, говоровъ и языковъ и не является племеннымъ языкомъ, или языкомъ одного племени, но *языкомъ племенъ*. Общій литературный языкъ содержитъ въ себѣ этническую психологію и культуру, нерѣдко весьма не близкую къ элементамъ живой народно-племенной рѣчи, но отвѣчаетъ сложному и высокому умственному уровню развитаго писателя и такого же читателя или, по крайней мѣрѣ, грамотея. Взятая же въ сыромъ видѣ народная рѣчь будетъ фальшью въ обще-литературномъ языкѣ. Въ такую фальшь иногда и впадаютъ украинцы. Отсюда успокоительный выводъ для тѣхъ, кого огорчаетъ привилегія, выпавшая, въ силу законовъ этнической эволюціи, на великорусское племенное нарѣчіе. Жизнь и развитіе говоровъ, нарѣчій и племенныхъ языковъ стоитъ особо и независимо, а гегемонія одного языка надъ другими это вопросъ практики и психологическихъ удобствъ болѣе или менѣе крупной этнической единицы и, притомъ, вопросъ свободнаго взаимнаго согласія частей. Въ сказанномъ содержится и научный отвѣтъ на психологическіе и этническіе вопросы, возбуждаемые украинствомъ. Но Украинство подняло не одни научные вопросы, но также и серію научно-практическихъ и чисто-практическихъ и жизненныхъ задачъ, вопросовъ, недоумѣній и можетъ быть сомнѣній. Укажемъ главнѣйшіе.

1) Созданіе словъ. Поднимаемъ этотъ вопросъ не отъ нашего имени и не съ точки зрѣнія интересовъ обще-литературнаго языка, но съ точки

зрѣнія украинцевъ. Среди нихъ раздаются компетентные голоса, касательно неправильности и противоестественности нѣкоторыхъ словъ и выраженій. Это именно тѣ слова, которыя въ сыромъ видѣ и плохо сработанныхъ подражаніяхъ народному говору внесены въ предполагаемый научно-литературный украинскій языкъ. Протестъ противъ такого неосторожнаго пользованія народной рѣчью или ея имитаціями, сказался въ устахъ глубокаго знатока южнорусской народной рѣчи и писателя И. Левицкаго (Нечуя) и многократно раздавался изъ устъ другихъ не менѣе компетентныхъ судей, причемъ пробнымъ камнемъ для сравненій указывалась и бралась рѣчь Тараса Шевченко. Объ этомъ, впрочемъ, имѣется достовѣрный документъ, подписанный проф. М. Грушевскимъ. Онъ утверждаетъ[1]), что борьба за слова идетъ по цѣлой землѣ нашей (т. е. украинской) отъ Карпатъ до Дона („відъ Карпатівъ, ажъ до Дону"). Протестующіе украинцы говорятъ необинуясь *о навязываніи народу выдуманной, небывалой, неизвѣстной ему и ненужной литературы... что такая литература по своему языку не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ Шевченка.* Надъ этими серьезными возраженіями проф. Грушевскій иронизируетъ и заявляетъ, что *теперь идетъ общая живая работа, движеніе, прогрессъ* (спільна жива робота, рух, поступ)[2]), что теперь горячее время, которое не стоитъ и можетъ не повториться, (буквально не привожу словъ проф. Грушевскаго, но переводъ вѣренъ) и что можно писать

---

[1]) Проф. М. Грушевскій. Про Украинску Мову. Кіевъ, 1907 г., стр. 5-я.

[2]) Ibid. стр. 6-я—2, ibid. стр. 12-я—13, ibid. стр. 19-я—4.

какой угодно рѣчью, хотя бы далекой отъ Шевченковой. Неудивительно, что такой украинской рѣчи сами украинцы, по словамъ проф. Грушевскаго, не желають брать ни въ руки, ни въ ротъ (а ні въ ротъ а ні вь руки ї не беруть") [1]). Посмотрите, продолжаетъ проф. Грушевскій укорять украинцевъ, какъ слабо распространяются украинскіе газеты и журналы, всѣ вообще украинскія издачія и какой чрезвычайно ничтожный кругъ украинской публики они захватываютъ и какъ мало вводятъ ее въ украинское національное теченіе [2]). Проф. Грушевскій жалуется, что нѣтъ украинскаго министерства народнаго просвѣщенія [3]), которое завело бы общую *грамматику, правописаніе и стилистику.* Эти цитаты показываютъ, что украинцы-возражатели глубоко правы, но проф. Грушевскій столько же неправъ. Впрочемъ, ему все-таки слѣдуетъ быть благодарнымъ, потому что его словами удостовѣряется фактъ отрицательнаго отношенія украинцевъ къ украинской мовѣ. Въ его же словахъ содержится и указаніе на причину такого отношенія украинской публики. Почтенный профессоръ, какъ то явствуетъ изъ приведенныхъ сейчасъ словъ, вѣритъ въ силу стилистики, грамматики и правилъ правописанія, но ни однимъ словомъ онъ не обмолвился о силѣ и значеніи психологіи языка для человѣческой рѣчи и психологіи вообще. Допуская торопливость въ созданіи языка, говоря: „жаль время терять, поскорѣй за работу" („шкода часу, гайда до работи"!) другіе-де поправятъ какъ нибудь сдѣланныя предшественниками ошибки, Грушев-

[1]) Ibid. стр. 12—13.
[2]) Ibid. стр. 19.
[3]) Ibid. стр. 20.

скій выдаетъ себя головой. Высказанные имъ мысли и взгляды показываютъ, что имъ придается мало значенія даже факту памяти — тому, что всякая нерящливая психическая работа, со всѣми своими неточностями *закрѣпляется памятью* и становится тамъ органическимъ зломъ. Такова допускаемая ученымъ историкомъ (филологомъ также) методика созданія украинскаго языка! Мы внимательно прослѣдили сдѣланныя вдумчивыми критиками и знатоками украинской рѣчи замѣчанія, напр. И. Левицкимъ, покойнымъ П. И. Житецкимъ и, прослѣдивъ текущую прессу, убѣдились, что развитіе украинскаго языка, особенно его *неологизмы*, совершается вопреки требованіямъ общей психологіи и психологіи языка [1]). Въ частности не трудно убѣдиться, что формированіе языка основано, большею частью, на этимологіи, что оно нерѣдко приближается къ истинной этимологической канцелярщинѣ, убивающей психологію и духъ языка и работающей надъ трупнымъ матеріаломъ бездушныхъ звуковъ, которые, будучи скомпонованы, вызовутъ будто бы идею. Покойный П. И. Житецкій указалъ на послѣдствіе такого пріема въ словѣ *відвічальний* (отвѣтственный). Слово это, вновь созданное, и созданное вопреки идеѣ языковой психологіи, обманно соперничаетъ въ умѣ со словомъ *відвічний* (вѣчный, предвѣчный) и тѣмъ вызываетъ оскорбительную для ума путаницу. А такая путаница возмущаетъ читателя, какъ всякій обманъ и подлогъ. Нѣкоторыя слова, составленныя даже

[1]) Для справокъ можно указать новѣйшіе трактаты психологіи, гдѣ теперь разсматриваются и вопросы *рѣчи и языка*, также такой прекрасный трудъ: *А. Потебня*, Мысль и языкъ изд. III—1913 года.

безошибочно по этимологіи, но ошибочно по психологіи, не сразу вызываютъ *идею* и также оскорбляютъ читателя, который называетъ такія слова коваными, т. е. искусственными. Легко понять, что украинецъ, знатокъ родной рѣчи и эстетикъ отъ природы (таковыхъ большинство!) чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ такимъ этимологическимъ труженичествомъ, которое иной разъ даетъ суррогаты словъ, имѣющіе не болѣе сходства съ натурою, чѣмъ сахаринъ съ сахаромъ. А между тѣмъ, не только проф. Грушевскій, но многіе издатели періодической прессы жалуются на читателя, что онъ требователенъ. Да, слава Богу, что онъ требователенъ! Ужъ лучше, вопреки совѣту проф. Грушевскаго, совершенно отказаться отъ такого чтенія, чѣмъ надрывать свои душевныя силы и вводить въ свою память матеріалъ, противный духу языка (т. е. естественнымъ ассоціаціямъ и психологіи слова). Серьезные труженики на нивѣ родного слова, какъ Б. Д. Грінченко (Словарь Укр. Мови), не безъ основанія ограничили свою дѣятельность скромными рамками собранія живыхъ и художественныхъ сокровищъ рѣчи, не вступая на скользкій путь созданія украинскаго литературно-научнаго языка. Такой языкъ, какъ орудіе и продуктъ знанія и тонкой рафинированной работы мысли, созидается долгимъ временемъ и не малыми трудами соединенныхъ литературныхъ поколѣній; кустарная же производительность безсильна совершить такое дѣло.

Недостаточное или слабое сочувствіе украинскаго народа съ его интеллигенціей дѣлу созданія языка и работамъ по доведенію *Украинской мови* до ранга литературной высоты объясняется тѣмъ имен-

но обстоятельствомъ, что *эта мова психологически весьма близка*, если не тождественна въ своихъ психологическихъ основахъ съ общерусской литературной рѣчью. Глубокое сознаніе и вчувствованіе (Einfühlung), или возчувствованіе этого факта явилось вѣроятной причиной присоединенія (а не отказа!) массы украинцевъ къ дѣлу обработки и созданія общерусскаго литературнаго языка въ теченіи 18—19 вѣковъ (см. выше стр. 35—36). Такая тенденція—была ли она сознательной и преднамѣренной, или инстинктивной и творческой—представляется, въ томъ и другомъ случаѣ, естественной и согласной съ *правдою жизни*,—тою біологической правдой, которую природа проводитъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, содѣйствуя необходимому, но избѣгая роскоши. Два параллельныхъ языка, различныхъ по *звуку* (фонетикѣ), но тождественныхъ по *духу* (по своей психологіи)—это роскошь, которую природа обыкновенно не допускаетъ. Украинскій языкъ, конечно, будетъ существовать, какъ психологическое орудіе талантливаго племени, но станетъ ли онъ органомъ и мѣновымъ знакомъ психическаго обмѣна для многихъ милліоновъ людей—въ этомъ можно серьезно усомниться. Вѣроятно, не только интеллигенція Украины, но и публика съ умѣренной грамотной подготовкой постепенно, а можетъ быть и скоро перейдетъ къ пользованію общей литературной рѣчью, подобно тому, какъ это всегда дѣлалось народами и племенами, какъ показываетъ исторія человѣчества. Это законъ этнической психологіи, который и для южноруссовъ рано или поздно вступитъ въ свои права; начало этого поворота уже ясно обозначилось. Быстрое ознакомленіе съ общимъ языкомъ страны, осо-

бенно, если онъ психологически родственъ—это такая естественно увлекательная перспектива, которая всегда и повсюду вступаетъ въ свои права, такъ какъ открываетъ легкій доступъ къ обладанію великимъ культурнымъ *орудіемъ мысли* безъ томительныхъ напряженій мыслительности. Въ языкѣ намъ дорога психологія мысли и чувства, но не фонетика, не наборъ звуковъ, и если другой языкъ, близко родственный, обладаетъ тою же психологіей, что и нашъ, мы легко готовы разставаться со звуками. Эта тенденція, какъ сказано, уже замѣчена въ украинскомъ народѣ (см. выше стр. 46—49-я).

2) Литературное право и вѣроятная будущность терминовъ: „Украина", „Украинцы".

Термины эти, какъ уже сказано, см. стр. 37, являются по своему происхожденію плодомъ административнаго, а не научнаго творчества. Южную Русь съ 17 вѣка стали оффиціально называть то *Украйной*, то *Гетманщиной*, то *Малороссіей*, а въ послѣднее время *Южной Россіей*. Костомаровъ признаетъ неудачными всѣ термины, съ чѣмъ и можно согласиться. Этнографическій терминъ: „украинцы", за отсутствіемъ самаго объекта, т. е., этнографически особаго народа, не имѣетъ основанія существовать, а обозначеніе территоріи именемъ „Украины" потеряло свою первоначальную административную надобность, а потому самый терминъ представляется безполезнымъ, подобно наименованію „Священной Римской имперіи" или „Московскаго государства". Если о чемъ можетъ быть рѣчь, то развѣ о правѣ ученаго историка называть народъ тѣмъ именемъ и тою кличкою, какой самъ народъ за собою не признаетъ. Отчего тогда не ввести, какъ

предлагаетъ съ полемической иронiей Костомаровъ, терминовъ: *хохолъ, кацапъ, Джонъ Буль* и т. п. Легко отошелъ въ вѣчность терминъ „Москвитяне", также легко отойдетъ и терминъ „Украинцы". Но мы имѣемъ здѣсь въ виду глубокую этническую оскорбительность навязыванiя населенiю имени. Населенiе это—не растенiе и не вновь открытый островъ, а сумма живыхъ личностей, которые съ X-XI в. называютъ себя „русь", „русичи", „русскiя жены", „русская земля". Эти названiя созданы самимъ народомъ и впервые появились въ Кiевѣ и Кiевской землѣ, а затѣмъ свободно приняты остальными Славянами, какъ знакъ наступившаго у нихъ общаго этническаго сознанiя, озарившаго отдѣльныя племена общимъ свѣтомъ высшаго духовнаго единства—во имя высшихъ интересовъ—интересовъ *народности* или *нацiи*. Эти возвышенные идеалы или нравственные интересы уже ясно и ярко существовали въ X—XI вѣкахъ, т. е., безъ малаго тысяча лѣтъ тому назадъ, и нашли для себя художественное изображенiе въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Въ этомъ произведенiи уже нѣтъ византизма, тутъ все родное, русское, говоритъ Костомаровъ. Неужели же этотъ высокiй художественный памятникъ не обязателенъ для ученаго историка? Вѣдь тѣ герои, которые описаны въ Словѣ, называли себя „русскими", они пали на Каялѣ на рѣкѣ „за русскую землю", какъ удостовѣряетъ авторъ Слова, современникъ, а, вѣроятно, и участникъ похода Игоря, который называетъ ихъ „русичами". Восплакала Ярославна, обращаясь къ „русскимъ женамъ" со своими жалобными воплями и слезами. Возстоналъ Кiевъ, Черниговъ, Полоцкъ, тоска разлiлась по всей „русской землѣ", зарыдали „жены русскiя" надъ

великимъ несчастіемъ, которое почувствовалось во всѣхъ предѣлахъ широкой земли единаго русскаго организма: тоска разлилась по „русской землѣ“, и густая печаль потекла посреди и омрачилось веселіе, а великій Святославъ ронялъ золотыя слова, смѣшанныя съ печалью и слезами, и только за предѣлами „русской земли“, Готскія дѣвы весело запѣли и стали хвастать и звенѣть „русскимъ золотомъ“.... И послѣ этихъ торжественныхъ свидѣтельствъ всей этнически русской земли, при личномъ удостовѣреніи современнаго бытописателя и поэта, русскій ученый историкъ, вдохновленный закордонными теченіями, увѣряетъ насъ въ своихъ сочиненіяхъ, что событія совершились не въ русской землѣ, что Игорь и его воины и даже поэтъ бытописатель событій были „украинцы“, что они боролись съ Половцами, и пали не за русскую землю, какъ имъ показалось, а за Украину!.... Дальше нельзя идти въ вольномъ переводѣ историческихъ документовъ съ ихъ подлиннаго языка на языкъ желаемыхъ, но не существующихъ фактовъ!

Проф. Мих. Грушевскій хочетъ замѣнить для насъ исторію политическими ученіями. Можетъ быть, кому нибудь очень необходимо, чтобы Россія въ своемъ прошломъ была Украиной, а русскіе украинцами, но только этого никогда не было на самомъ дѣлѣ. Хотя почтенный префессоръ и говоритъ намъ объ *украинской* колонизаціи по Днѣпру уже въ X вѣкѣ, а порогомъ историческихъ временъ для *украинскаго народа* признаетъ IV вѣкъ[1]), но такія утвержденія совершенно произвольны. Правда, въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ проф. Грушевскій

[1]) Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Изд. II. Спб., 1906.

(Кіевская Русь Спб., 1911 г.) относится бережнѣе къ исторіи и ея правдѣ, и термины: „Украина", „украинство" появляются въ его позднѣйшей книгѣ только во второй ея половинѣ, а въ первой рѣчь идетъ о „Славянахъ" и о „Руси". Несомнѣнно, время—великій покровитель *истины и правды*, и уже на предѣлѣ пяти лѣтъ, отдѣляющихъ одну книгу проф. Грушевскаго отъ другой, время успѣло сдѣлать немало. Слава Богу и за это: истина и правда всѣмъ дороги!

Почти восемь вѣковъ отдѣляютъ наше время отъ тѣхъ событій, какія показаны въ Словѣ о Полку Игоревѣ поэтомъ и очевидцами самыхъ событій. Но событія эти и сейчасъ свѣжи, особенно свѣжа сказавшаяся въ нихъ этническая сила и ярко свѣжи выразившіяся индивидуальныя чувства и переживанія, связанныя съ общенародными интересами юной въ ту пору русской народности.

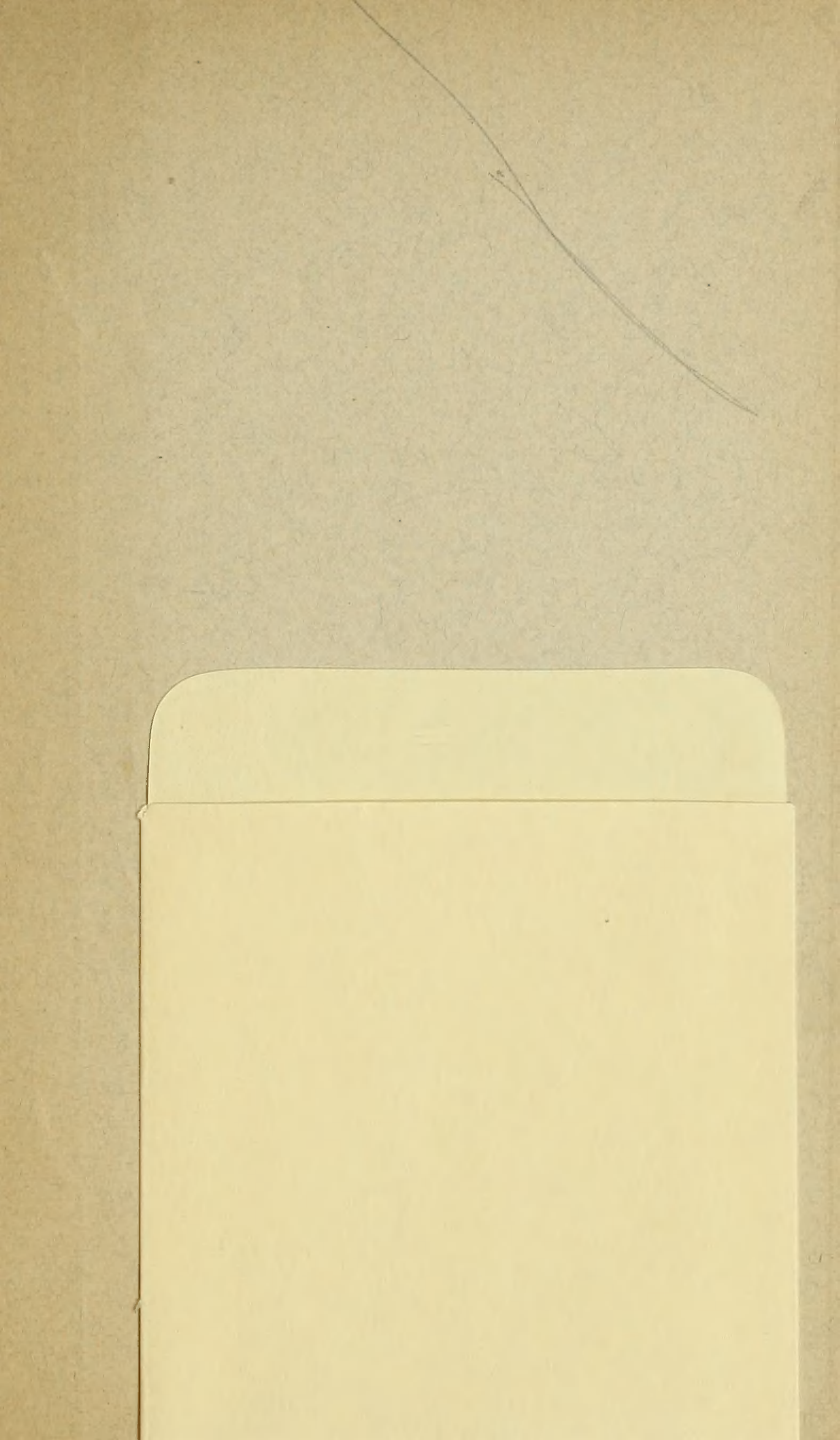
Авторъ Слова о Полку Игоревѣ художественно увѣковѣчилъ эти чувства и переживанія, и по нимъ мы могли бы и въ наши дни судить о томъ впечатлѣніи, какое было бы вызвано въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ заявленіемъ украинскаго профессора. Съ какою силою бились русскіе герои съ Половцами за русскую землю, пока не пали, съ такою же силою они отстаивали бы и свое имя: „русичи". Вздрогнули бы и перевернулись въ землѣ кости этихъ „русичей" на Каялѣ, если бы они узнали, что въ наши дни нашлись сомнѣвающіеся въ ихъ этникѣ и антропологіи, въ ихъ скелетахъ и черепахъ. Мертвые не имутъ ни срама, ни гнѣва, и только по этой причинѣ они не схватятся за оружіе при отнятіи у нихъ имени, за которое они пали... Горько восплакалась бы Яро-

славна въ Путивлѣ на стѣнѣ, когда услышала бы, что она „украинка", а не русская женщина. Зарыдали бы всѣ русскія женщины и въ чувствѣ возмущенія и печали присоединились бы къ Ярославнѣ, отстаивая дорогое имя своей страны и своей души. Еще не было въ ту пору государственной связи, но этническое единство было яркимъ и глубокимъ. Ярославна въ своихъ рѣчахъ и слезахъ обращается только къ русскимъ женщинамъ, но въ ея душѣ уже живетъ и славянская общность: лѣсной горлицей она летитъ изъ Путивля кружнымъ путемъ на Дунай, потомъ на рѣку Каялу, чтобы омывать кровавыя раны героевъ рукавомъ бобровой шубки, смоченнымъ въ Каялѣ. Очевидно, что этническое сознаніе *русскаго единства* и *славянскаго родства* уже тогда жило въ умахъ, невольно прорываясь наружу въ минуту горя и безпомощности, когда ищутъ *своихъ*. Таково было этническое сознаніе уже въ 12 вѣкѣ!...

Этимъ этническимъ сознаніемъ за много вѣковъ было предопредѣлено и предрѣшено созданіе въ будущемъ великаго русскаго отечества— народа и государства. Въ свое созданіе природа положила антропологически чистый строительный матеріалъ, и въ этомъ заключается особенность біологической постройки. Не должно быть поэтому удивительнымъ, если въ русской народности будутъ замѣчены отличительныя національныя черты и особенности этнической психологіи. Тотъ, кто умѣетъ относиться съ уваженіемъ къ фактамъ самоопредѣленія народовъ, не долженъ показывать ни удивленія, ни противленія, ни враждебности...

Этническое самосознаніе возникло и пробуди-

лось въ русскомъ народѣ очень рано. Уже въ первые моменты оно воплотилось въ заботы о созданіи языка, который въ своихъ нарѣчіяхъ и говорахъ сказался психологически близкимъ и потому общепонятнымъ для отдѣльныхъ, даже территоріально удаленныхъ и уединенныхъ частей, а ставши богослужебнымъ и книжнымъ, при религіозности народа, обратился въ важное психологическое орудіе этническаго объединенія (Костомаровъ). При такихъ условіяхъ становится понятнымъ зрѣлость этническаго сознанія уже въ 12 вѣкѣ, несмотря на отсутствіе государства, когда русскія племена жили, какъ разбросанная большая деревня, гнѣздами или семейными группами съ общимъ психическимъ складомъ, почти тождественнымъ языкомъ, общей религіей, общей склонностью къ дѣятельной финской колонизаціи, въ которой лежалъ могущественный антропологическій факторъ естественнаго этническаго цементированія частей съ длительными, единообразными наслѣдственно закрѣпляемыми результатами. Результаты эти, содержа въ себѣ заразъ и антропологическое, и психическое начало, сказались ярко въ художественномъ и вмѣстѣ этническомъ памятникѣ 12 вѣка и потому сугубо поучительны, какъ естественная программа нашего настоящаго и будущаго національнаго самосознанія!

Изданія Кіевскаго клуба Русскихъ Націоналистовъ.

Проф. И. А. Сикорскій. «О психологическихъ основахъ націонализма»—15 коп.

Проф. П. Н. Ардашовъ. «Націонализмъ на западѣ—25 коп.

А. В. Стороженко. «Происхожденіе и сущность украинофильства»—30 коп.

«Сборникъ» клуба I выпускъ—50 коп.

«Сборникъ» клуба II выпускъ—1 руб.

«Сборникъ» клуба III выпускъ—1 руб.

М. Пра—осъ. «Что такое ритуальныя убійства?»—30 к.

Проф. И. А. Сикорскій. «Русскіе и Украинцы»—25 к.

Складъ изданій:

въ Кіевѣ, въ Клубѣ Русскихъ Націоналистовъ (Б.-Васильковская № 14) и въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова, Фундуклеевская, № 8.